

дей, прямо указывающей на те обычные ложные толкования, при которых будто бы возможно нарушение ее: "Вы слышали, что сказано: люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего (Левит. 19, 17-18). А я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами отца вашего небесного; ибо он повелевает солнцу своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, в чем тут заслуга? Не то же ли делают и мытари? Если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак, будьте совершенны, как совершен отец ваш небесный." (Мф. V, 43-46).

**- Надо не только "возлюбить ближнего", но и любить врагов?**

- Вот это-то признание закона любви высшим законом жизни человеческой и ясно выраженное руководство поведения, вытекающее из христианского учения о любви - одинаковой к врагам, к людям ненавидящим, обижающим, проклинающим нас - и составляет особенность учения Христа. Ту особенность, которая, давая учению о любви и вытекающему из него руководству точное, определенное значение, неизбежно влечет за собой полное изменение установившегося устройства жизни не только христианских, но и всех народов мира.

В этом главное отличие от прежних учений и главное значение христианского учения в его истинном смысле. В этом шаг вперед в сознании человечества, который сделан был христианским учением.

Шаг этот в том, что все прежние религиозные и нравственные учения о любви, признавая, как это и не могло быть иначе, благодетельность любви для жизни человечества, вместе с тем допускали возможность таких условий, при которых исполнение закона любви становилось необязательным, могло быть обойдено.

**- Никаких исключений? В чем смысл такого жесткого требования?**

- Как только закон любви переставал быть высшим, неизменным законом жизни людей, так уничтожалась вся благодетельность закона. Учение о любви сводилось к ни к чему не обязывающим красноречивым поучениям и словам. Оставлявшим весь склад жизни народов таким же, каким он был и до учения о любви, то есть основанным на одном насилии. Христианское учение в его истинном смысле, признавая закон любви высшим - а приложение его к жизни не подлежащим никаким исключениям! - уничтожало этим признаваем всякое насилие, а следовательно, не могло не отрицать все основанное на насилии устройство мира.

**- Да-а-а... мощно.**

- Вот это-то главное значение учения и было скрыто от людей лжехристианством, признавшим учение о любви не высшим законом жизни человеческой, а так же, как и дохристианские учения, лишь одним из правил поведения, которое полезно соблюдать, когда ничто не препятствует этому. Учение Христа в его истинном смысле состоит в признании любви высшим законом жизни, и поэтому не могущим допускать никаких исключений. Христианство, то есть учение о законе любви, допускающее исключение в виде насилия во имя других законов, есть такое же внутреннее противоречие, как холодный огонь или горячий лед.

**- А как же... в жизни?**

- Казалось бы очевидно, что если одни люди могут, несмотря на признание благодетельности любви, во имя каких-то благих Целей в будущем, допустить не-

обходимость мучительства или убийства некоторых людей, то точно с таким же правом могут другие люди, тоже признавая благодетельность любви, допускать, тоже во имя будущих благ, необходимость мучительства и убийства других людей. Так что, казалось бы очевидно, что допущение хотя какого бы то ни было исключения из требования исполнения закона любви уничтожает все значение, весь смысл, всю благодетельность закона любви, лежащего в основе и всякого религиозного учения, и всякого нравственного учения.

Казалось бы, это так очевидно, что совместно доказывать это. Между тем, люди христианского мира - как признающие себя верующими, так считающие себя неверующими, но признающие нравственный закон, - смотря на учение о любви, отрицающее всякое насилие и, в особенности, на вытекающее из этого учения положение о непротравлении злу злом, как на нечто фантастическое, невозможное и совершенно неприложимое к жизни.

**- Но ведь в реальной жизни без насилия невозможно обойтись?**

- Понятно, что люди властвующие могут говорить, что без насилия не может быть никакого порядка и доброй жизни, разумая под "порядком" такое устройство жизни, при котором немногие могут в излишестве пользоваться трудами других людей, под "добротой" же жизнью разумая беспрепятственность ведения такой жизни.

Но как ни несправедливо то, что они говорят, понятно, что они могут говорить так, потому что уничтожение насилия не только лишает их возможности жить так, как они живут, но и обличает всю давнишнюю несправедливость и жестокость их жизни.

Но рабочим-то людям, казалось бы, уже не нужно того насилия, которое они, как это ни удивительно сказать, так старательно сами над собою делают, и от которого они так страдают. Ведь насилие властвующих над покоряющимися не есть прямое, непосредственное насилие сильного человека над слабым и большого числа над меньшим. Насилие властвующих держится, как и может держаться насилие меньшинства над большинством - только на давно уж устроенном ловкими и сметливыми людьми обмане, вследствие которого люди, ради своей близкой и очевидной им малой выгоды, не только лишаются самых больших выгод, но лишаются свободы и подвергаются самым жестоким страданиям.

**- Насилие держится на "ловком обмане"?**

- Сущность этого обмана еще четыреста лет тому назад была высказана французским писателем Ла-Ботти в статье "Добровольное рабство". Вот что он пишет об этом: "Не оружие и не вооруженные люди - конные и пешие - защищают тиранов, но, как ни трудно этому поверить, три или четыре человека поддерживают тирана и держат для него всю страну в рабстве. Всегда круг приближенных тирана состоял из пяти или шести человек; эти люди или сами вкрадывались к нему в доверие, или были приближаемы им, чтобы быть соучастниками его жестокостей, товарищами его удовольствий, устроителями его наслаждений и сообщниками его грабительства. Эти шестеро имеют шестьсот, находящихся под их властью и относящихся к шестерым так же, как шестеро относятся к тиранам. Шестеро же имеют под собой шесть тысяч, которых они возвысили, которым дали управление провинциями или денежными делами, с тем, чтобы они служили их корыстности и жестокости. За этими следует еще большая свита. И тот, кому охота распутывать эту сеть, увидит, что не только шесть тысяч, но сотни тысяч, миллионы скова-

ны этой цепью с тираном. Ради этого умножаются должности, которые все суть поддержка тирании."

**- Да, совершенно очевидный обман...**

- Вот от этого-то обмана, до такой степени укоренившегося в народе, что те самые люди, которые только страдают от употребления насилия, - оправдывают его, даже требуют его для себя, как чего-то необходимого, и сами совершают его друг над другом... От этой-то ставшей второй природой привычки и происходит удивительное заблуждение людей, вследствие которого люди, наиболее страдающие от обмана, сами поддерживают его.

Казалось бы, рабочим-то людям, не получающим никакой выгоды от совершаемого над ними насилия, можно бы увидеть, наконец, тот обман, в котором они запутаны, и, увидев обман, освободиться от него самым простым и легким способом: прекращением участия в том насилии, которое может совершаться над ними только благодаря их участию.

Казалось бы, так просто понять это рабочим людям и сказать наконец тем, кого они считают своими начальниками: "Оставьте нас в покое. Если вам, императорам, президентам, генералам, судьям, архиереям, профессорам и всяким ученым людям, нужны войска, флоты, университеты, балеты, синоды, консерватории, тюрьмы, виселицы, гильотины, - устраивайте все это сами, сами с себя собирайте деньги, судите, сажайте друг друга в тюрьмы, казните, убивайте людей на войнах. Но делайте это сами. Нас же оставьте в покое, потому что ничего этого нам не нужно, и мы не хотим больше участвовать во всех этих бесполезных для нас и, главное, дурных делах".

Что, казалось бы, естественнее этого? А между тем рабочие люди, и в особенности земледельцы, которым этого ничего не нужно, не только ни в России, ни в какой бы то ни было стране, не делают этого. Одни, большинство, продолжают сами себя мучить, исполняя против самих себя требования начальства, сами поступая в полицию, в сборщики податей, в солдаты. Другие же, меньшинство, для того чтобы избавиться от насилия, когда могут это сделать, совершают во время революций насилия над теми людьми, от насилия которых страдают, то есть тушат огонь огнем, и этим только увеличивают над собою насилие.

**- Отчего же так поступают люди?**

- Оттого, что они вследствие продолжительности обмана уже не видят связи их угнетенности с их же участием в насилии.

**- А отчего же не видят этой связи?**

- А все оттого же, отчего все бедствия людей. Оттого, что у людей этих нет веры, а без веры люди могут быть руководимы только выгодой. А человек, руководимый только выгодой, не может быть ничем иным, как только обманщиком или обманутым.

**- А как уничтожить такой вид насилия как, например, война?**

- Война уничтожится только тогда, когда лю-

ди не будут принимать никакого участия в насилии и будут готовы нести все те гонения, которым они могут подвергнуться за это. Это единственное средство уничтожения войны.

**- А если война уже идет? Разве возможно "не принять участия"?**

- С самого начала христианства самые искренние и горячие отцы церкви говорили то же самое о несовместимости христианства с одним из основных неизбежных условий существования государственного устройства, - с войском, то есть что христианин не может быть солдатом, то есть быть готовым убивать всех, кого ему прикажут. Христианская община первых веков до пятого века определенно признавала, в лице своих руководителей, что христианам запрещено всякое убийство, а потому и убийство на войне.

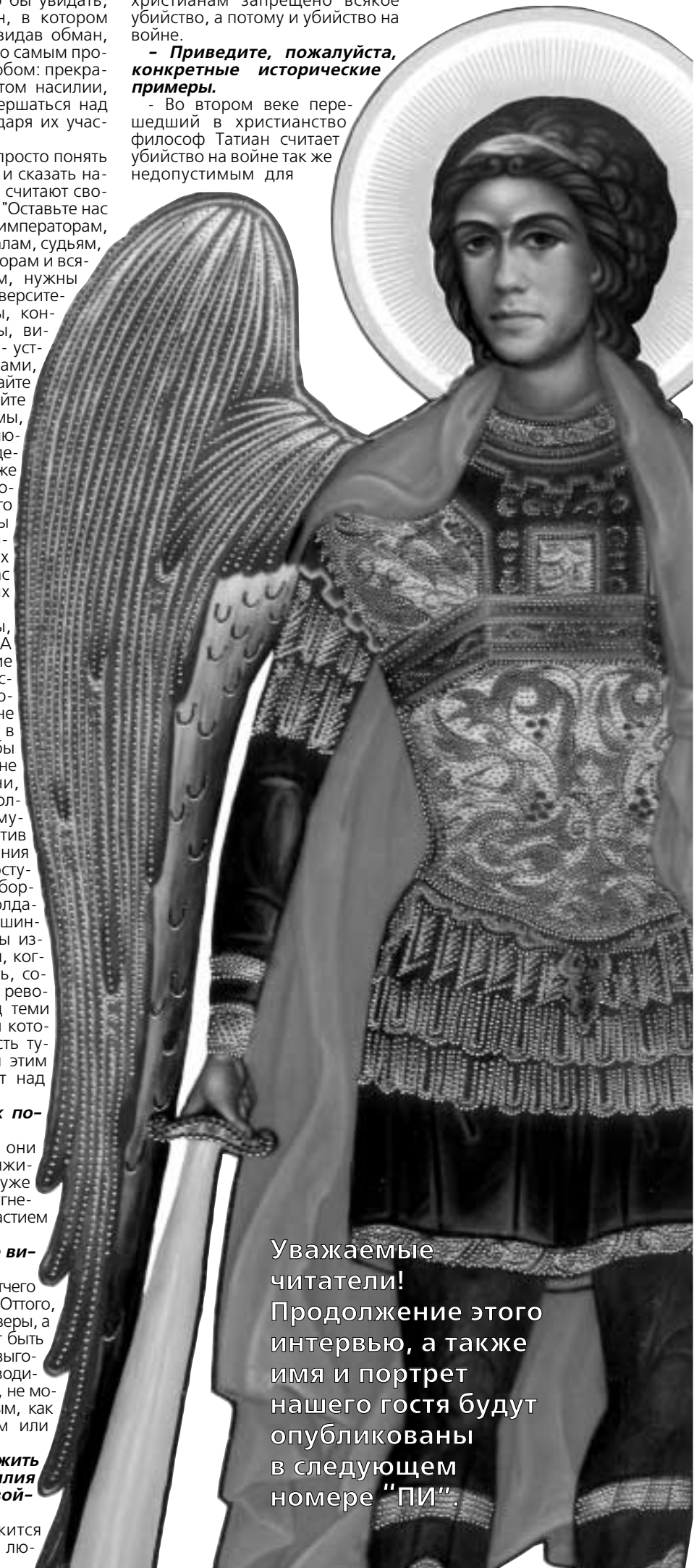
**- Приведите, пожалуйста, конкретные исторические примеры.**

- Во втором веке перешедший в христианство философ Татиан считал убийство на войне так же недопустимым для

христиан, как всякое убийство, и почетный воинский венок считает непристойным для христианина. В том же столетии Афинагор Афинский говорит, что христиане не только сами никогда не убивают, но и избегают присутствовать при убийствах. В третьем столетии Климент Александрийский противопоставляет языческим "воинственным" народам - "мирное племя христиан".

Но всего яснее выразил отвращение христиан к войне знаменитый Ориген. Прилагая к христианам слова Исайи, что придет время, когда люди перекуют мечи на серпы и копыя на плуги, он совершенно определенно говорит: "Мы не поднимаем оружия ни против какого народа..."

Беседовал Клейн



Уважаемые читатели! Продолжение этого интервью, а также имя и портрет нашего гостя будут опубликованы в следующем номере "ПИ".